

В.И. Бартенев*

**СОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ
ДЛЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ЛОГИКА СОПРЯЖЕНИЯ ТЕМ****

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, ул. Ленинские горы, 1*

Содействие международному развитию (СМР) и политические риски для внешнеэкономической деятельности (ВЭД) — две темы, традиционно пользующиеся особым вниманием специалистов в области международной политической экономии. Каждая из этих тем изучается в рамках отдельной субдисциплины со своей особой терминологией, мощными профильными аналитическими центрами и авторитетными рецензируемыми изданиями. Хотя политические риски ассоциировались преимущественно с развивающимися странами (а по окончании холодной войны — также с государствами с переходной экономикой), эти предметные области парадоксальным образом развивались независимо друг от друга. Цель статьи — обозначить общие логические основания для сопряжения исследовательских повесток и наметить пунктиром линии их пересечения.

В первых двух разделах сформулированы аргументы в пользу взаимосвязанности двух тем. В качестве первого логического основания обозначены наличие коммерческой составляющей в любом виде содействия развитию и способность СМР служить инструментом обеспечения внешнеэкономических интересов, в качестве второго — неразрывная связь политических рисков для ведения бизнеса с дисбалансами в развитии. В третьем разделе рассмотрены конкретные измерения сопряжения исследовательских повесток. К таковым отнесены: 1) учет политических рисков при планировании и осуществлении программ и проектов развития; 2) оценка влияния реализации политических рисков на возмож-

---

* Бартенев Владимир Игоревич — кандидат исторических наук, директор-организатор Центра проблем безопасности и развития факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vl_bartenev@mail.ru).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01060 (<https://rscf.ru/project/23-28-01060/>).

ности различных провайдеров СМР по предоставлению средств в целях международного развития; 3) анализ применения инструментов СМР в целях митигации политических рисков для ВЭД — как с помощью непосредственного снижения уровня оцениваемого бизнес-структурами риска, так и через опосредованное воздействие на среду, в которой генерируются те или иные политические риски; 4) изучение логики формирования новых рисков в ходе применения инструментов СМР. В заключении обоснована необходимость выявления обратного влияния новых трендов в области СМР на параметры политических рисков для субъектов ВЭД из западных и незападных государств в условиях ускорения глобальной турбулентности с опорой на широкий массив традиционных и новых источников статистических данных. Намечена последовательность шагов, которые следует предпринять для достижения этой цели, и дана оценка теоретической и практической значимости ожидаемых результатов.

Ключевые слова: содействие международному развитию, официальная помощь развитию, политические риски, внешнеэкономическая деятельность, страхование политических рисков, инвестиции, международная политическая экономия, инструменты мобилизации ресурсов частного сектора, гарантии

Для цитирования: Бартенев В.И. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 133–163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163.

Vladimir I. Bartenev

INTERNATIONAL DEVELOPMENT COOPERATION AND POLITICAL RISKS FOR TRANSNATIONAL BUSINESS: LINKING RESEARCH TOPICS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

International development cooperation and political risks for transnational business are two topics which have always drawn attention from specialists in international political economy. Each of these topics is studied by a dedicated subdiscipline with a specific terminology, strong analytical centers and influential peer-reviewed journals. Despite political risks had initially been associated with developing countries (and transition economies — after the Cold War),

two distinctive research clusters have developed separately from one another — quite inexplicably. Drawing on the idea of immanent proximity of international development studies and political risk analysis, this paper develops the logic of blending their research agendas.

The first two sections formulate key presumptions meant to justify the conjugation of two topics. The first presumption is an acknowledgement of an engrained commercial motivation in any modality of development cooperation and the latter's ability to serve as a tool to promote foreign economic interests. The second presumption emphasizes the existence of an indissoluble link between political risks for business with socio-economic and political development disbalances within and between countries. The final section identifies concrete dimensions of conjugation of two research agendas, such as: 1) conducting political risk assessments in the course of programming and implementing development projects; 2) examining the impact of political risk manifestations on provider countries' ability to mobilize financial resources for international development; 3) studying the practices of using different development cooperation tools to mitigate political risks for foreign economic activity — both through a direct and deliberate reduction of risk perceived by business and through an indirect impact on the environment where political risks are formed; 4) exploring the logic of emergence of new risk factors (of various types) in the course of implementing development cooperation policies. The conclusion argues for focusing on the reverse impact of new trends in international development cooperation on the parameters of political risks for international business from the Western and non-Western countries amidst the global turbulence, using all available sources of statistical data — conventional and unconventional. It also draws a step-by-step research plan and assesses the theoretical and policy relevance of obtaining anticipated results.

Keywords: international development cooperation, official development assistance, political risks, foreign economic activity, political risk insurance, investments, international political economy, private sector instruments, guarantees

About the author: Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Founding Director of the Center for Security and Development Studies, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vl_bartenev@mail.ru).

Acknowledgements: This research has been conducted with the financial support from the Russian Science Foundation, project No 23-28-01060 (<https://rscf.ru/en/project/23-28-01060/>).

For citation: Bartenev V.I. 2023. International development cooperation and political risks for transnational business: Linking research topics. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 133–163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163. (In Russ.)

Международная политическая экономия (МПЭ) как междисциплинарное направление исследований [см.: Олейнов, 2017] к настоящему моменту получила широкое признание и за рубежом, и в Российской Федерации, где стала активно складываться собственная школа [Ткаченко, 2015]. Бурное развитие МПЭ было обусловлено главным образом резким усилением взаимного проникновения политики и экономики в эпоху глобализации. Однако стремительное нарастание деглобализационных тенденций после мирового финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг. лишь повысило востребованность политэкономических разработок.

В число явлений, которым специалисты в области МПЭ неизменно уделяют особое внимание в своих исследованиях, входят, в частности, содействие международному развитию (СМР) и политические риски для внешнеэкономической деятельности (ВЭД). Каждое из них изучается в рамках отдельной субдисциплины — со своей особой терминологией, мощными профильными аналитическими центрами и авторитетными рецензируемыми изданиями. Хотя политические риски всех основных типов преимущественно ассоциировались с развивающимися странами (а после окончания холодной войны — также с государствами с переходной экономикой), две эти предметные области парадоксальным образом формировались независимо друг от друга. Тематики могли соседствовать на страницах крупных изданий обобщающего характера [один из редких примеров такого соседства в российской науке: Братерский, 2010], но богатый потенциал, который давала работа на их стыке, оставался не раскрыт — по неизвестным причинам, заслуживающим отдельного разбора и осмысления.

Цель данной статьи — логически обосновать возможность и необходимость сопряжения двух проблемных полей — исследований в области СМР и анализа политических рисков — и наметить пунктиром конкретные линии такого сопряжения. Эта нетривиальная задача еще не ставилась в научной литературе ни в Российской Федерации, ни за рубежом, несмотря на явный интерес специалистов, главным образом европейских, к отдельным аспектам заявленной проблематики. Этот интерес нашел отражение, например, в ряде новейших аналитических разработок, в которых рассматриваются проблемы мобилизации ресурсов частного сектора в целях развития и оцениваются среди прочего непреднамеренные негативные последствия применения инструментов страхования политических рисков (СПР) (*political risk insurance*, PRI) [Mayer, 2018; Bayliss et al., 2020; Craviotto, Caio, 2021;

Craviotto, 2022; и др.]. Основные тезисы, содержащиеся в этих публикациях, будут разобраны более детально в основной части статьи.

Дополнительную актуальность решению поставленной нами исследовательской задачи придает и динамика международных процессов последних лет. С одной стороны, объективно резко возросло внимание к вопросам мобилизации ресурсов частного сектора для целей устойчивого развития вследствие принятия в 2015 г. новой амбициозной глобальной повестки на период до 2030 г. и Аддис-Абебской программы действий, содержащей призыв увеличить на порядок объемы финансирования развития (перейти «от миллиардов к триллионам»). Добиться прорыва предполагалось, в частности, за счет привлечения дополнительных средств от зарубежных компаний, традиционно опасавшихся инвестировать в страны с высоким уровнем рисков, в том числе политических. С другой стороны, совокупный уровень рисков такого рода в мире в последние годы только увеличился — как по причине снижения стрессоустойчивости многих развивающихся стран, не в последнюю очередь — на фоне пандемии COVID-19, так и в результате нового стремительного обострения конкуренции идеологий, систем и моделей организации общественной жизни.

В новых политико-экономических условиях сопряжение заявленных тем обретает не только сугубо теоретическую, но и практическую значимость, становясь элементом поиска новых прикладных решений, связанных как с управлением рисками в ВЭД, так и с реализацией задач устойчивого развития. Однако для такого сопряжения необходимо привести непротиворечивые логические основания, попутно прояснив значение ключевых понятий и составив тот глоссарий, с помощью которого можно будет чертить нужные связи.

Содействие международному развитию как инструмент обеспечения внешнеэкономических интересов

Содействие международному развитию (СМР) — термин, который к настоящему моменту уже прочно закрепился в отечественном дискурсе — как политическом, так и научно-образовательном — и используется для обозначения того или иного набора инструментов невоенного сотрудничества с иностранными государствами, осуществляемого на льготной или безвозмездной основе. Законодательно содержательные границы категории «СМР» так и не были демаркированы, несмотря на многолетние призывы специалистов и отдельных представителей органов государственной власти [см., например: Ермо-

лов, 2015]. Однако применяется понятие в России на удивление широко. Его можно обнаружить в отдельных нормативно-правовых актах, доктринальных документах различного уровня, включая и широко известную Концепцию государственной политики в сфере СМР 2014 г.¹ (обновленную в марте 2023 г.²), и даже в наименованиях структурных подразделений министерств и ведомств³. В научно-образовательном поле термин присутствует в названиях элементов образовательных программ ведущих университетов⁴ и учебных изданий, которые готовятся для обеспечения их реализации [Содействие международному развитию..., 2012, 2022], крупных исследований монографического характера [Дегтерев, 2016; Содействие международному развитию..., 2018], диссертаций (причем как по экономическим [Зайцев, 2013; Белецкая, 2017; Морозкина, 2018], так и по политическим [Попова, 2019] специальностям), сотен научных статей⁵.

¹ Концепция государственной политики Российской Федерации в области содействия международному развитию (утв. Указом Президента РФ от 20 апреля 2014 г. № 259) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 20.04.2014. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1584961/ (дата обращения: 05.02.2023).

² Указ Президента Российской Федерации от 13 марта 2023 г. № 161 «О внесении изменений в Концепцию государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259» // Официальный интернет-портал правовой информации. 13.03.2023. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303130003> (дата обращения: 15.03.2023).

³ Управление содействия международному развитию (ранее — Управление содействия международному развитию и гуманитарных программ) Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества); отдел содействия международному развитию Департамента международных финансовых отношений Министерства финансов РФ; отдел по вопросам оперативной деятельности Организации Объединенных Наций и содействия международному развитию Министерства иностранных дел РФ.

⁴ Курс «Содействие международному развитию в политике глобальных акторов» в рамках магистерской программы «Экономическая дипломатия» на факультете мировой политики МГУ (читается на английском языке); курс «Актуальные проблемы содействия международному развитию» в рамках магистерской программы «Политика и экономика регионов мира (Европа и Америка)» в МГИМО (У) МИД РФ и др.

⁵ В базе данных РИНЦ проиндексировано в общей сложности почти 200 публикаций с термином «содействие международному развитию» непосредственно в названии, аннотации или списке ключевых слов, а общее число публикаций, в которых он используется, по состоянию на начало февраля 2023 г. уже приближается к 600.

Поскольку единства в подходах к определению содержательных границ «автохтонного» термина «СМР» не наблюдается, считаем важным зафиксировать в тексте рабочую дефиницию и соотнести ее с понятиями, прямо заимствованными из международного дискурса. Под СМР в статье будет пониматься совокупность мер, принимаемых органами государственной власти различных уровней, органами местного самоуправления, юридическими и физическими лицами в рамках оказания финансового, технического, гуманитарного и иного содействия (безвозмездного или на льготных условиях), направленного — прямо или косвенно — на обеспечение устойчивого и безопасного социально-экономического развития иностранных государств и урегулирование различного рода чрезвычайных ситуаций. Эта расширительная трактовка содержательно максимально близка той, которую изначально планировалось закрепить в уточненной редакции Концепции государственной политики в области СМР согласно проекту, разработанному МИД России и вынесенному на общественное обсуждение весной 2022 г.⁶, но которая так и не вошла в итоговый текст недавно принятого нормативно-правового акта.

Выбранное определение позволяет включать в СМР весьма широкий спектр потоков — как официальных, так и частных⁷. Официальный компонент СМР в этом случае, по сути, становится аналогом внедренной совсем недавно статистической категории «Общая официальная поддержка устойчивого развития» (ООПУР; *total official support for sustainable development*, TOSSD), которая охва-

---

⁶Проект Указа Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Концепцию государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259» // Федеральный портал проектов нормативно-правовых актов. Доступ: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=113016> (дата обращения: 15.03.2023).

⁷Это, впрочем, не самое широкое определение. Например, доцент кафедры мировой экономики МГИМО (У) МИД РФ Л.М. Капица, один из ответственных редакторов нового учебника «Содействие международному развитию», увидевшего свет летом 2022 г., определяет СМР как «совокупность некоторых видов некоммерческой деятельности, направленных на стимулирование и поддержку мировых процессов социально-экономической трансформации, которые способствуют переходу к модели устойчивого развития, ликвидации нищеты и выравниванию благосостояния как между регионами и странами, так и внутри страны» [Содействие международному развитию..., 2022: 124].

тывает официальную помощь развитию (ОПР), прочее официальное финансирование (ПОФ; *other official flows*, OOF), не соответствующее ее жестким критериям в части целеполагания или степени льготности, трехстороннее сотрудничество, сотрудничество по линии Юг-Юг и инструменты мобилизации ресурсов частного сектора (*private sector instruments*, PSI), а также ряд нетрансграничных потоков, нацеленных на решение глобальных проблем.

При этом крайне важно понимать: и государственное, и частное содействие международному развитию — это не благотворительность. Провайдеры СМР никогда не действуют полностью бескорыстно и не забывают о своих прагматических интересах даже тогда, когда предоставляют гуманитарную помощь, хотя филантропические мотивы также могут играть важную роль. Сказанное относится и к негосударственным акторам (в том числе к частным компаниям — субъектам ВЭД), и к государствам-провайдерам, и даже к многосторонним организациям.

Так, для компаний, занимающихся внешнеэкономической деятельностью, стало уже общепринятым выделение средств на реализацию проектов корпоративной социальной ответственности (КСО), бенефициарами которых выступают граждане стран, где размещаются инвестиции или осуществляются экспортно-импортные операции. Речь может идти как о реализации социально ориентированных проектов непосредственно в развивающихся странах, так и, например, о финансировании расходов на обучение/повышение квалификации граждан в стране размещения штаб-квартиры компании. Очевидно, что такого рода действия продиктованы не только и не столько заботой бизнес-структур о нуждающихся, сколько стремлением улучшить свой имидж и конвертировать в дальнейшем репутационные дивиденды в материальные (дополнительную прибыль), в том числе за счет минимизации потерь от реализации различного рода рисков — как коммерческих, так и политических.

Обеспечивать свои прагматические интересы международный бизнес может не только через такого рода проекты КСО, но и через задействие — в той или иной форме — официальных учреждений страны происхождения. Речь может идти, с одной стороны, о софинансировании (в рамках государственно-частных партнерств различного формата) [см., например: Старикова, 2021], с другой — о лоббистской деятельности, призванной добиться от официальных учреждений «своей» страны направления ресурсов СМР в то или

иное иностранное государство, где компания ведет или намеревается вести бизнес, либо в те многосторонние организации, которые могут помочь реализации ее интересов.

Такая лоббистская деятельность может осуществляться как в индивидуальном порядке, так и через различные «зонтичные» структуры, например отраслевые ассоциации, группы адвокации (чаще всего включающие представителей не только бизнеса, но и некоммерческого сектора) или консультативные советы и рабочие группы по вопросам оказания СМР, создаваемые под эгидой органов государственной власти, а также через внесение взносов в избирательные кампании политиков, чей голос может иметь значение при выделении государственных ассигнований на цели содействия развитию. Так, американские ученые Д. Тингли и Х. Милнер из Принстонского университета в свое время выявили, что получавшие большие взносы от инвестиционных банков и компаний республиканцы склонны были «предавать» линию партии и поддерживать выделение средств на международную помощь, в то время как демократы, получавшие меньшие взносы, чаще голосовали против ее увеличения [Milner, Tingley, 2010: 225]. Еще одной нередко упускаемой из виду формой оказания частным бизнесом влияния на политику властей в области СМР может выступать финансирование ими проведения исследований профильными аналитическими центрами.

В структуре мотивации властей государств — провайдеров СМР также присутствуют и политико-стратегические интересы (включая обеспечение безопасности, расширение сфер влияния, продвижение той или иной идеологии, ценностей, модели развития, религии, культуры, языка и т.п.), и коммерческие — содействие расширению рынков сбыта продукции и инвестиционной деятельности национальных компаний, импорт стратегических ресурсов из стран-партнеров и т.п. В одном из хрестоматийных трудов, посвященных выявлению мотивов доноров на основе анализа характера распределения предоставляемой ими помощи, профессор Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна Ж.-К. Бертелеми весьма точно заметил: «Не все доноры имеют ярко выраженные геополитические интересы, но все они преследуют коммерческие интересы» [Berthélemy, 2006: 82]. Данный тезис в последние годы неоднократно подтверждался и результатами исследований других ученых [см., например: Martínez-Zarzoso et al., 2016]. Заместитель начальника Управления экономического сотрудничества Россотрудничества

М.О. Ермолов даже предлагает использовать для обозначения видов помощи, направленной на получение осязаемых экономических выгод, отдельный термин — «прагматичная помощь»⁸.

В случае с коммерческими мотивами логика официальных провайдеров будет двоякой. С одной стороны, чем охотнее и успешнее компании будут инвестировать за рубеж и вести международные торговые операции, тем больше будут налоговые поступления в бюджет (и налог на прибыль, и отчисления с фонда оплаты труда, и налог на доходы физических лиц — сотрудников данной компании или лиц, работающих на внутреннем рынке коммерческих структур, которые поставляют ей те или иные товары или услуги). В этом смысле вряд ли стоит удивляться тому, что увязка СМР с продвижением коммерческих интересов стала одним из главных способов повысить «отдачу от вложений» (*value for money*), чем развитые страны так озаботились после глобального финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг., оказавшись вынуждены более четко обосновывать необходимость расходования скудеющих бюджетных средств за пределами страны [см.: Максимова, 2015]. С другой стороны, экспансию национального бизнеса государство-провайдер может пытаться использовать в качестве рычага воздействия на страну-партнера в целях реализации своих политико-стратегических интересов на локальном, региональном или глобальном уровне. Показательно, что содействовать укреплению позиций бизнеса власти стран — провайдеров СМР могут, предоставляя помощь не только на двусторонней основе (в том числе направляя часть бюджетных ассигнований в национальные институты финансирования развития), но и на многосторонней — задействуя международные организации, от работы которых национальные компании также могут получать определенные дивиденды [см. подробнее: McLean, 2015].

Наконец, и сами многосторонние организации вполне могут быть заинтересованы в создании благоприятных условий для компаний из иностранных государств, ведущих торгово-экономическую деятельность в развивающихся странах. В первую очередь речь идет, конечно, о многосторонних финансовых институтах (МФИ), которые будут тратить на эти цели средства государств-членов (обязательные

---

⁸ Ермолов М.О. Помощь развитию: благотворительность или бизнес? // РСМД. 01.03.2022. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pomoshch-razvitiyu-blagotvoritelnost-ili-biznes/> (дата обращения: 05.02.2023).

и добровольные взносы в основной бюджет или целевые взносы в различные целевые программы и фонды и на реализацию конкретных проектов) и мобилизовывать капитал на финансовых рынках (посредством выпуска облигаций). В данном случае интерес МФИ будет определяться не только стремлением к реализации своего мандата, но и желанием заработать (доход от процентов — в случае предоставления кредитов, тарифов за использование гарантийных инструментов или от администрирования целевых проектов (накладные расходы)). Как следствие, только за последнее десятилетие доля финансирования, направляемая в виде целевых взносов в тематические программы или на реализацию отдельных проектов, параметры которых задают их спонсоры, выросла с 2012 по 2020 г. с 12 до 16% общего объема ОПР⁹. Определенный финансово-экономический интерес будет присутствовать также у учреждений ООН и региональных нефинансовых организаций, выполнению уставных целей которых может способствовать активизация иностранных субъектов ВЭД в развивающихся странах. Наконец, отдельно стоит отметить особую роль Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в создании благоприятных условий для деятельности иностранного бизнеса: несмотря на заметное усиление роли развивающихся стран, эта организация всё же остается главным «законодателем мод» в сфере СМР.

В завершение данного раздела отметим: о каких бы акторах ни шла речь, следует понимать, что «содействие международному развитию» — это «зонтичный» термин. Он объединяет множество разнородных видов, форм, финансовых инструментов, параметров доведения средств до бенефициаров («связанность» (*tying status*), «обусловленность» (*conditionality*) и т.д.). Эту вариативность следует учитывать при любых концептуально-теоретических построениях, в том числе при прочерчивании связей между СМР и деятельностью международного бизнеса. Прямая бюджетная поддержка на безвозмездной основе, обусловленная проведением властями страны-реципиента тех или иных институциональных реформ, техническое содействие внешней торговле, направление взносов в МФИ, выделение льготного кредита на строительство того или иного объекта «под ключ» компаниями из государства-провайдера

---

⁹ Multilateral development finance 2022. Paris: OECD Publishing, 2022. P. 23. Available at: <https://doi.org/10.1787/9fea4cf2-en> (accessed: 05.02.2023).

или направление ресурсов ОПР в институты финансирования развития для мобилизации дополнительных инвестиций со стороны частного сектора имеют мало общего, кроме формального соответствия установленным Комитетом содействия развитию (КСР) ОЭСР критериям ОПР. Специфичность логики применения каждого инструмента, однако, ни в коем случае не должна удерживать исследователей от поиска вариантов сопряжения темы СМР с анализом политических рисков, которые для этих целей также требуется определить и классифицировать и которые соединены с проблематикой международного развития крепкими и, как представляется, более чем очевидными связями.

Политические риски для ведения бизнеса как проявление проблем развития

В отличие от категории «СМР», категория «политический риск» является прямой калькой с англоязычного термина *political risk*. Хотя описываемый этим концептом феномен известен с незапамятных времен, само понятие стало активно использоваться на Западе в разгар холодной войны для обозначения особой категории риска для ВЭД [см. подробнее: Нечкин, 2018; Бордовских, 2020]. Речь чаще всего шла о риске понести убытки в результате принятия антиимпериалистически настроенными властями принимающей страны определенного политического решения или, наоборот, их бездействия, создающего угрозу для ведения бизнеса компаниями из «первого мира», а позднее — и об угрожающих действиях различных негосударственных акторов. Долгое время фокус внимания практиков был направлен на анализ ситуации в принимающей стране, но позднее стали оцениваться и риски, генерируемые в стране происхождения компаний, а также в третьих странах (на фоне роста числа глобальных цепочек добавленной стоимости), хотя суть понятия от этого никак не поменялась. Сегодня категорией «политический риск» оперирует любой участник ВЭД в любой стране мира. Однако степень экспозиции к такого рода рискам заметно различается между отраслями и географическими ареалами инвестиционных и экспортно-импортных операций.

Классифицировать риски можно по-разному, но в абсолютном большинстве работ для этого используется матричный принцип. Так, по характеру происхождения их можно разделить на эндогенные и экзогенные. Первые генерируются внутри государства, принима-

ющего инвестиции или выступающего партнером по торговым операциям, вторые — во внешней по отношению к такому государству среде — как в других странах, так и в мире в целом.

По институциональному источнику политические риски делятся на две крупные категории — легально-правительственные и экстра-легальные. К первым относятся ограничительные решения разного рода, принимаемые государственными структурами. Наиболее радикальными среди таких решений являются, безусловно, национализация и экспроприация активов иностранных инвесторов, разрыв условий действующего контракта без компенсации, полный запрет на вывоз иностранной валюты, отказ от выплаты долговых обязательств, введение эмбарго на импорт/экспорт определенных товаров или таргетированные санкции в отношении отдельных физических/юридических лиц. Вместе с тем политические риски создаются и иными действиями, такими как косвенная (неявная, «ползучая» (*creeping*)) экспроприация [см. подробнее: Бордовских, 2022], дискриминация иностранного бизнеса, введение протекционистских мер, изменение налогового режима (в целом или в отдельной отрасли), ужесточение экспортного, валютного контроля или контроля за осуществлением иностранных инвестиций и т.п. В современных условиях нельзя также приуменьшать роль прямого или косвенного принуждения бизнеса правительством страны происхождения к выводу инвестиций из тех или иных государств, в том числе в рамках содействия переносу производств обратно в страну происхождения (решорингу) или их размещению в сопредельных (ниаршоринг) или дружественных (френдшоринг) странах.

Экстралегальные риски в свою очередь генерируются негосударственными акторами, чьи действия зачастую, впрочем, могут быть реакцией на те или иные меры, принимаемые правительством страны-реципиента. В эту категорию рисков попадают террористические акты, забастовки, протесты, активизация организованных преступных групп, государственные перевороты, восстания/революции, а также конфликты различного масштаба и интенсивности и др.

Кроме того, политические риски отличаются друг от друга по охвату. Их можно разделить на риски макроуровня, которые распространяются на всех субъектов ВЭД в принимающей стране, и риски микроуровня, затрагивающие деятельность отдельных отраслей или некоторых компаний.

Наиболее полной и часто используемой классификацией считается типология, представленная в классическом труде Дж. Саймона из «Корпорации РЭНД» 1982 г. [Simon, 1982]. Она также основана на матричном принципе и построена с учетом одновременно трех указанных критериев, что позволяет выделить в общей сложности 8 отдельных кластеров. В рамках такого рода типологии национализация, к примеру, будет выступать макрориском легально-правительственного характера внутригосударственного происхождения, а бойкот продукции конкретной иностранной компании — экстра-легальным микрориском внешнего происхождения.

В последние годы всё большее значение стали приобретать риски, генерируемые в развитых странах и создающие каскадный эффект, который распространяется по всей ткани глобальной экономики. Знаковыми событиями, потребовавшими внесения корректив в традиционные подходы, стали Брекзит, победа Д. Трампа на президентских выборах в США в 2016 г., движение «желтых жилетов» во Франции и др. И тем не менее по-прежнему политические риски преимущественно ассоциируются именно с развивающимися рынками.

Более того, все события, традиционно причисляемые к проявлениям политических рисков, оказываются так или иначе связаны с фундаментальной проблемой — асимметрией в уровне защищенности жизненно важных интересов (в том числе права на развитие и права на безопасность) и распределении благ и ресурсов — как внутри стран, так и между ними на международной арене. Большинство экстралегальных рисков отражают недовольство различных социальных групп существующим в государстве положением дел, при котором они чувствуют себя в чем-то ущемленными. Но и большая часть перечисленных выше легально-правительственных рисков также обусловлены стремлением органов власти стран-реципиентов добиться более справедливого — в их понимании — распределения благ на глобальном уровне, в том числе в ущерб иностранным компаниям, которые начинают восприниматься преимущественно как проводники интересов враждебных внешних сил.

Впрочем, лицами, принимающими решения, движет и другой коренной интерес — сохранение за собой властных полномочий. Он побуждает их к использованию самого широкого спектра средств, позволяющих снизить вероятность неконтролируемого роста общественного недовольства — неблагоприятного изменения электоральных предпочтений или радикализации населения и выбора

им различных форм делинквентного поведения вплоть до участия в попытках свергнуть неугодное правительство. Неизбежное долгосрочное ухудшение инвестиционного климата в результате таких действий властей, как дискриминация иностранных компаний, ужесточение экспортного контроля или введение санкций, может казаться уполномоченным лицам как в развивающихся, так и в развитых странах вполне приемлемой платой за решение более приоритетных и насущных внутриполитических задач.

Таким образом, проблема митигации политических рисков для международного бизнеса тесно сопрягается с вышедшей в последние годы на первый план в международном дискурсе проблемой повышения стрессоустойчивости (*resilience*). Этот концепт, как известно, использовали еще в 1960-1970-е годы в экологических исследованиях [Holling, 1973], но специалистами в области общественных наук он был взят на вооружение в начале нынешнего тысячелетия в качестве характеристики «способности системы справляться с нарушениями, реорганизовываться в процессе изменения и сохранять в целом ту же функциональность, структуру, идентичность и механизм обратных связей» [Walker et al., 2004]. Он закрепился и в девелопменталистском дискурсе — в рамках обсуждения проблематики «хрупких» государств (*fragile states*), которые преимущественно как раз и ассоциируются с повышенным уровнем политических рисков [подробнее см.: Бартенев, 2017]. При этом само понимание «хрупкости» (как антонима стрессоустойчивости) становится более многомерным, охватывая всё больше измерений развития. Как бы то ни было, чем выше уровень стрессоустойчивости, тем меньше вероятность, что многочисленные факторы политического риска [см. подробнее: Братерский, 2010: 144-208] будут раз за разом генерировать такие его проявления, которые приведут к ощутимым финансовым потерям для международного бизнеса.

В то же время многое определяется не только объективными дисбалансами, возникающими в процессе развития, но и чисто субъективными факторами, связанными с тем, как именно трансграничный бизнес и различные участники международных экономических отношений, которые с ним взаимодействуют на постоянной основе (кредитно-финансовые организации, страховые компании, консалтинговые агентства и т.д.), *оценивают* риски при реализации того или иного инвестиционного проекта или торговых операций. Даже при отсутствии сколько-нибудь высокой реальной вероятности

принятия тех или иных неблагоприятных решений правительством или резкой эскалации внутренних противоречий одного только восприятия угрозы понести потери как высокой будет достаточно для оказания неблагоприятного воздействия на торгово-инвестиционную деятельность. Банки будут повышать ставки по кредитам на реализацию проектов в наиболее «проблемных» странах, страховые компании — увеличивать размер страховой премии и т.п. Да коммерческие структуры и сами будут воздерживаться от ведения деятельности в странах с повышенными политическими рисками, предпочитая работать с менее «сложными» партнерами, страхуя себя от возможных потерь.

Какими бы факторами — объективными или субъективными — ни объяснялось нежелание международного бизнеса иметь дело с «хрупкими» государствами с низким уровнем стрессоустойчивости, в том числе и напрямую затронутыми вооруженными конфликтами, оно создает дополнительный дефицит финансовых ресурсов и тем самым препятствует стабилизации ситуации в этих странах. Так формируется еще один порочный круг, который мировое сообщество попросту не может разомкнуть, не применяя всего арсенала имеющихся у него средств, в том числе разнообразных инструментов СМР.

От презумпций к моделям сопряжения

С учетом сказанного, опираясь исключительно на логические умозаключения, можно обозначить несколько измерений, в которых темы СМР и политических рисков для ВЭД могут гипотетически сопрягаться.

Во-первых, оценка рисков ухудшения политической ситуации в стране часто производится при принятии решений о запуске проектов и программ СМР и по ходу их реализации. Проведение такой оценки считается одной из «лучших практик» в девелопменталистском сообществе вот уже более четверти века, по крайней мере с момента запуска проекта американской исследовательницы М. Андерсон «Local Capacities for Peace», который получил большую известность под названием «Do No Harm» («Не причинить вреда») [Anderson, 1999] и благодаря которому понятие «конфликточувствительность» (*conflict-sensitivity*) стало новой мантрой в сфере СМР. Возможное причинение вреда входит в число факторов, учитываемых при оценке так называемых программных рисков — одного

из компонентов широко применяемой в девелопменталистском сообществе триады рисков, разработанной еще в 2011 г. специалистами британского Института зарубежного развития и более известной под названием «Копенгагенские круги»¹⁰ [Metcalf et al., 2011]. Хотя политические риски создают угрозу и для международного бизнеса, их влияние непосредственно на деятельность субъектов ВЭД из стран-доноров, а не на процесс социально-экономического развития в странах-реципиентах в целом оценивается крайне редко.

Во-вторых, реализация политических рисков для бизнеса может существенно ограничивать его собственные финансовые возможности по выделению средств на безвозмездной основе на цели международного развития (как по проектам КСО, так и в качестве софинансирования в рамках различных государственно-частных партнерств). Более того, в ряде случаев активно осваивающий внешние рынки бизнес в государствах — провайдерах СМР (особенно в странах с ярко выраженной экспортно ориентированной экономикой) может нести весьма ощутимые потери от реализации политических рисков любого типа, будь то резкие изменения торговой политики ведущих держав, международные конфликты, введение ограничительных мер и т.д. Это в свою очередь может приводить к сокращению возможностей государств-провайдеров по выделению бюджетных ассигнований на цели развития, по крайней мере в краткосрочной и среднесрочной перспективе (как на безвозвратной, так и на возвратной основе), или к существенному изменению структуры СМР в пользу инструментов и секторальных направлений, приносящих большую отдачу от вложенных средств. В то же время такой эффект довольно сложно поддается сколько-нибудь точному измерению с использованием количественных данных — в силу фактора мультикаузальности, и меры построения робастных моделей для его оценки нам неизвестны.

---

¹⁰ Контекстуальные риски связаны с возможностью утраты реципиентом состоятельности, возобновления вооруженного конфликта, возникновения гуманитарного или экономического кризиса, стихийного бедствия; программные — с возможным недостижением заявленных целей посредством оказания помощи или причинением вреда вмешательством. Институциональные риски для организации, предоставляющей помощь, включают риски безопасности, фидуциарные риски (риски нецелевого расходования средств или отсутствия прозрачности в их распределении) и репутационные, возникающие в том числе при взаимодействии с реципиентами, целесообразность содействия которым ставится под сомнение в стране-доноре. Кластер программных рисков представляет собой область, лежащую на стыке контекстуальных и институциональных рисков.

Наконец, в-третьих (по очередности, но отнюдь не по значению), снижение политических рисков для ВЭД может служить одним из мотивов осуществления СМР различными акторами. Как следствие, ресурсы содействия развитию могут использоваться ими для удовлетворения такой потребности.

Первый путь — направлять ресурсы СМР на то, чтобы непосредственно снижать уровень оцениваемого бизнес-структурами риска. Лучше всего для этого подходят такой элемент комплекса инструментов «финансирования развития» (*development finance*), как гарантии, а также СПР. Под гарантированием ОЭСР понимает принятие гарантом формальных обязательств выплатить часть или полную стоимость кредита, акций или других финансовых инструментов в случае невыплаты займа должником или снижения стоимости инвестиционного портфеля¹¹. Гарант принимает на себя часть рисков, при этом покрываться могут как отдельно политические или кредитные риски, так и риски обоих типов вместе. В случае если речь идет именно о политических рисках, такого рода гарантии близко соприкасаются с инструментами СПР [см.: Гурова, 2016], хотя эти два механизма не идентичны¹².

Как и ряд других инструментов мобилизации ресурсов частного сектора, гарантии и СПР призваны менять представления частных акторов о рисках финансирования того или иного проекта (в качестве либо кредитора, либо инвестора). Иными словами, результатом при-

---

¹¹ DAC Working Party on Development Finance Statistics. Converged Statistical Reporting Directives for the Credito Reporting System (CRS) and the Annual DAC Questionnaire. Annexes — modules A, B, and C. DCD/DAC/STAT(2020)44/ADD1/FINAL. 20 April, 2021 // OECD — DCD/DAC. Available at: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/STAT\(2020\)44/ADD1/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/STAT(2020)44/ADD1/FINAL/en/pdf) (accessed: 05.02.2023).

¹² Так, Т. Мацукава и О. Хабек указывают, что гарантии обычно подразумевают гарантирование выплаты по кредитам в случае неспособности заемщика обслужить долг и исполнение этих гарантийных обязательств происходит весьма оперативно, в то время как при использовании страховых инструментов предполагается составление соответствующих претензий застрахованным лицом перед выплатой страхового покрытия страховщиком. При этом некоторые провайдеры могут называть свои страховые продукты «гарантиями» [Matsukawa, Habeck, 2007: 1]. Сотрудники Директората сотрудничества в целях развития ОЭСР в докладе 2021 г. дополнительно указывают на тот момент, что инструменты СПР могут определять дополнительные условия, которые должны быть удовлетворены для выплаты страховой премии, — применительно к отдельным рискам, ситуациям, видам ущерба, сопутствующих потерь и т.п. [Garbacz et al., 2021: 14]. При этом в системе статистического учета разграничений между данными инструментами не делается.

влечения дополнительных средств может стать запуск проектов в тех или иных развивающихся странах, которые в противном случае либо вообще не были бы реализованы, либо повлекли бы существенно большее финансовое обременение частных акторов из принимающей страны (например, из-за более высоких ставок по кредитам).

Второй путь — улучшать с помощью инструментов СМР среду, в которой генерируются те или иные политические риски, воздействуя на коренные причины их появления, т.е. на факторы риска. Вместе с тем механизмы влияния будут существенно различаться в зависимости как от вида/инструмента/канала/способа/секторального предназначения помощи, так и от ключевых параметров риска (происхождения, институционального источника и уровня воздействия). В силу крайнего многообразия политических рисков один и тот же способ оказания СМР может быть весьма эффективен в снижении рисков легально-правительственного происхождения, но бесполезен в смягчении экстралегальных рисков или даже повышать их общий уровень (включая вероятность реализации и масштаб потенциального ущерба). Та же гетерогенность будет наблюдаться и применительно к эндогенным и экзогенным рискам. Но одно можно сказать точно: почти любые существенные изменения в структуре портфеля СМР того или иного донора в отдельно взятой стране/регионе или секторе будут оказывать опосредованное воздействие на уровень рисков различного типа — в одном случае более явное, в другом — может быть, менее очевидное, но от этого не менее значимое.

В-четвертых, использование различных инструментов СМР, несомненно, имеет все шансы не только смягчать политические риски для ВЭД, но и увеличивать их (при определенных обстоятельствах или допущении ошибок в планировании) или даже создавать новые факторы риска, зачастую не менее серьезные. Сегодня эта тема приобретает всё большее значение в рамках исследований, посвященных инструментам как прямого, так и непрямого воздействия на политические риски.

Что касается инновационных инструментов мобилизации ресурсов частного сектора, то непреднамеренные последствия их применения становятся предметом более пристального изучения в последние годы. Например, в исследовании, опубликованном в 2018 г. под эгидой Комиссии по вопросам «хрупкости» государств, содействия росту и развитию, учрежденной на базе Международного центра изучения роста на средства Лондонской школы экономики

и Школы управления имени Блаватника Оксфордского университета, Х. Мейер отмечает: использование инструментов СПР сопряжено с моральным риском (*moral hazard*), поскольку может устранять стимулы к проведению реформ в принимающих странах или урегулированию инвестиционных споров [Mayer, 2018]. На этой основе автор представляет набор практических рекомендаций: усиливать роль многосторонних институтов в СПР, интенсифицировать взаимодействие между публичными и частными страховщиками (включая применение инструментов со- и перестрахования), гарантировать страховое покрытие не только иностранным, но также локальным и региональным инвесторам, усилить связку между двусторонними инвестиционными соглашениями и СПР. При этом Х. Мейер указывает, что все меры такого рода будут носить паллиативный характер и не приведут к подлинно значимым трансформациям без проведения фундаментальных реформ, направленных на снижение политических рисков через изменение инвестиционной политики и создание благоприятного климата, при котором потребность в инструментах страхового покрытия попросту отпадет [Mayer, 2018: 14-17].

В свою очередь британские ученые, готовившие доклад по заказу Европейского парламента в 2020 г. [Bayliss et al., 2020], также выявили ряд издержек подходов к митигации рисков, которые получили распространение в последние годы. В их числе: 1) выделение финансирования частным акторам в ущерб направлению его в те сектора и регионы, где оно требуется более всего; 2) создание «смешанным финансированием» (*blended finance*) новых долгосрочных рисков для агентств развития и определенных издержек для правительств стран-реципиентов; 3) «упущенные возможности» при использовании ресурсов ОПР в целях митигации рисков для частных инвестиций и преобладание интересов частных инвесторов над императивами собственно развития [Bayliss et al., 2020].

С этими мыслями перекликаются и выводы, к которым пришла Н. Кравиотто — эксперт Европейской сети изучения долга и развития (Eurodad Network on Debt and Development). В своих последних работах [Craviotto, Caio, 2021; Craviotto, 2022] она обозначает риски, спровоцированные принятием решения о включении инструментов мобилизации ресурсов частного сектора в отчетность по ОПР. С одной стороны, возникают угроза отвлечения скудных ресурсов ОПР от наиболее значимых для устранения бедности и неравенства социальных секторов [Craviotto, Caio, 2021], а также риск подрыва

международных усилий по «развязыванию» помощи наиболее уязвимым реципиентам — наименее развитым странам, государствам с высоким уровнем задолженности и т.д. С другой стороны, по мнению Н. Кравиотто, появляются три фактора риска, связанные с: 1) механизмами управления расходами на соответствующие инструменты (национальные институты финансирования развития столкнутся с необходимостью выбирать между императивами содействия экономическому развитию стран глобального Юга и экспансии собственных компаний); 2) обеспечением прозрачности таких расходов; 3) использованием изменений правил статистического учета для включения всё большего числа трансакций в ОПР [Craviotto, 2022].

Показательно, что в Директорате сотрудничества в целях развития ОЭСР — главном для западного мира центре выработки стандартов в области СМР — осознают и имманентную двойственность деятельности по митигации политических рисков, и ее сложность. В одном из программных продуктов 2022 г., посвященных смешанному финансированию, в частности, говорится: «При том что донорами накоплен большой опыт предоставления помощи в каждой из этих областей¹³, программы СМР, связанные с мобилизацией прямых иностранных инвестиций (ПИИ), редко интегрируют эти опции в рамках всеобъемлющих стратегий, прямо нацеленных на улучшение позитивного воздействия ПИИ на устойчивое развитие»¹⁴. Это неизбежно выводит на первый план координацию усилий на двух обозначенных направлениях.

Применительно же к «классическим» инструментам, обеспечивающим косвенное воздействие на политические риски, специалисты уже давно выявили целый ряд факторов, из-за которых оказание международной помощи может иметь и долговременные негативные последствия. В их числе: 1) ухудшение качества государственного управления; 2) повышение конфликтного потенциала; 3) рост долговой нагрузки; 4) обострение межгосударственного соперничества

¹³ Улучшение инвестиционного климата через поддержку политических реформ и работа непосредственно с бизнесом — через стимулирование инвестиций в приоритетные сектора и мероприятия, оказание позитивного влияния на поведение инвесторов. — *Прим. авт.*

¹⁴ FDI Qualities Guide for Development Co-operation: Strengthening the Role of Development Co-operation for Sustainable Investment. OECD Development Policy Tools. Paris: OECD Publishing, 2022. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/7f251bac-en/index.html?itemId=/content/publication/7f251bac-en> (accessed: 15.03.2023).

[см.: Бартенев, 2020: 19–23]. Все указанные факторы могут порождать риски как легально-правительственного, так и экстралегального происхождения, которые будут негативно влиять на бизнес. Например, ухудшение качества государственного управления вследствие роста коррупции или долговой нагрузки может провоцировать власти на принятие определенных протекционистских, рестриктивных мер или повышение налогов (как для обычных граждан, так и отдельно для иностранных компаний) с целью найти дополнительные средства для выполнения обязательств перед собственным населением или зарубежными кредиторами. Усиление конфликтного потенциала в обществе, особенно в странах, богатых энергоресурсами, может создать прямые угрозы для безопасности сотрудников и бесперебойной деятельности иностранных компаний на их территории.

На современном этапе, впрочем, наибольший интерес для специалистов в области МПЭ представляет риск обострения межгосударственного соперничества. Международная помощь, даже гуманитарная, как уже говорилось, никогда не является чистой благотворительностью, ибо направлена на реализацию тех или иных стратегических, имиджевых и экономических целей донора. Коль скоро цели эти вступают в противоречие с целями других акторов, предоставление, увеличение/сокращение, блокирование, «связывание», обусловливание помощи нередко воспринимаются даже дружественными государствами весьма болезненно, а в случае со стратегическими конкурентами и прямыми противниками — и вовсе в штыки. Тем более это характерно для периодов обострения межгосударственной конкуренции. В последнее десятилетие международная помощь вновь рассматривается как инструмент борьбы за передел сфер влияния и служит дополнительным фактором ухудшения отношений между странами в самых разных регионах мира (США и РФ, США и КНР, Катаром и ОАЭ и т.д.). В этой ситуации заметно повышается вероятность того, что доноры будут снижать стандарты оказания помощи, игнорируя другие контекстуальные, репутационные и программные риски, дабы не потерять влияние в той или иной стране. Это в свою очередь будет создавать новые *экзогенные* риски, в том числе для ведения бизнеса. Риски будут генерироваться действиями как государственных структур третьих стран (например, введением санкций или инициацией торговых либо инвестиционных войн ведущими мировыми державами — партнерами принимающей страны по глобальным цепочкам до-

бавленной стоимости), так и негосударственных акторов (например, ростом потоков нелегальной миграции из третьих стран) и точно так же влиять на ситуацию и на макро-, и на микроуровне.

Другими словами, оценка воздействия применения «классических» форм СМР на уровень политических рисков даже в первом приближении ставит перед исследователями ряд еще более сложных задач, чем анализ соответствующего потенциала «инновационных» инструментов, нацеленных непосредственно на митигацию такого рода рисков, даже несмотря на наличие существенно большего массива статистических данных. Это обусловлено главным образом множественностью модальностей оказания содействия развитию, которые при ее наложении на гетерогенность политических рисков образуют крайне сложную паутину взаимосвязей, требующую для ее распутывания немалых интеллектуальных усилий.

* * *

По результатам проведенного исследования можно сформулировать следующие основные выводы.

1. Темы СМР и политических рисков для международного бизнеса, как и ожидалось, стыкуются весьма тесно. Отсутствие комплексных исследований деталей такого сопряжения в научной литературе необъяснимо, и изменения международной конъюнктуры в последние годы вполне однозначно указывают на необходимость как можно более оперативного заполнения этой лакуны.

2. Применение логико-интуитивных методов анализа позволяет обозначить два ключевых логических основания для поиска форматов сопряжения тем СМР и политических рисков для бизнеса. Первое — наличие ярко выраженного бизнес-компонента в содействии развитию, оказываемом как коммерческими структурами, так и по официальной линии — властями отдельных стран и международными организациями. Второе — неразрывная связь между политическими рисками для бизнеса всех типов и фундаментальными проблемами развития, обусловленная асимметрией в распределении благ и уровне защищенности жизненно важных интересов внутри стран и между ними, а также проблемой повышения стрессоустойчивости к различного рода вызовам.

3. В свою очередь поиск моделей сопряжения позволяет выявить по меньшей мере четыре основные его измерения:

1) учет политических рисков при планировании и реализации проектов развития;

2) оценка сокращения финансовых возможностей различных провайдеров СМР по использованию средств в целях международного развития при реализации политических рисков;

3) анализ применения инструментов СМР в целях митигации политических рисков для ВЭД — как непосредственно с помощью снижения уровня оцениваемого бизнес-структурами риска, так и через оказание опосредованного влияния на среду, в которой формируются те или иные политические риски, т.е. воздействие на факторы их появления;

4) изучение формирования в ходе применения инструментов СМР новых факторов риска — как того же, так и иного типа.

При этом, пожалуй, более значимые результаты, подкрепленные анализом количественных данных, можно получить, оценивая именно *обратное* влияние инструментов СМР на параметры политических рисков.

Анализ международного дискурса в области СМР последних десятилетий выявляет однозначное повышение интереса к митигации политических рисков для бизнеса. Долгое время в политическом пространстве акцент делался преимущественно на дивидендах от таких практик, но сегодня — в том числе благодаря деятельности профильных экспертов — к официальным лицам стало приходить осознание издержек и непреднамеренных последствий их внедрения. В качестве отдельной проблемы видится и отсутствие взаимной увязки усилий, предпринимаемых с использованием «классических» и «инновационных» инструментов СМР.

Представленные в статье размышления касательно сопряжения проблематики СМР и анализа политических рисков для бизнеса пока не претендуют на всеохватность и в большей степени служат своего рода трамплином для осуществления более глубокого погружения в заявленную тему и одновременно приглашением профильных специалистов к предметному диалогу. Вместе с тем они отражают некоторые промежуточные результаты, которые были получены в рамках инициированного нами поискового междисциплинарного исследования указанной проблематики, получившего поддержку Российского научного фонда. Исследование подразумевает среди прочего разработку определенной матрицы механизмов прямого и опосредованного влияния СМР на параметры политических ри-

сков для субъектов ВЭД как из западных, так и из незападных стран-доноров с акцентом на тех новых трендах в оказании содействия развитию, которые обозначились в последние годы (с одной стороны, после начала пандемии коронавируса в 2020 г., с другой — после заметного ускорения глобальной турбулентности в феврале 2022 г.).

Решение этой первопроходческой задачи, с нашей точки зрения, могло бы предполагать выполнение следующей последовательности шагов:

1) осмысление актуальных изменений в параметрах политических рисков, с которыми приходится сталкиваться западным и незападным компаниям в своей внешнеэкономической деятельности;

2) осмысление дилемм, с которыми неизбежно сталкиваются доноры, озабоченные проблемой смягчения политических рисков, при распределении ограниченных финансовых ресурсов СМР (как между инновационными механизмами прямой митигации таких рисков и более традиционными инструментами содействия развитию, так и между отдельными видами внутри каждой из этих категорий);

3) формулирование априорных гипотез о воздействии различных видов СМР на параметры политических рисков разного типа и выбор из них тех направлений финансирования развития, которые могут оказать наиболее значимое влияние на реализацию соответствующих рисков, с последующим построением интегральной матрицы;

4) определение набора статистических показателей, требующих наибольшего внимания в рамках оценки влияния потоков СМР на параметры политических рисков;

5) наконец, анализ трендов в фактическом распределении потоков в последние годы и их интерпретация на основе выявленных априорным путем гипотез — для поиска ответа на вопрос о том, способствуют ли решения, принимаемые сегодня провайдерами СМР касательно распределения средств, снижению ключевых политических рисков для ВЭД и мобилизации столь нужных ресурсов частного сектора для обеспечения устойчивого развития.

Безусловно, для получения подлинно значимых фундаментальных результатов потребуется не только использовать агрегированные данные по всем типам доноров, секторам и реципиентам, но и тестировать работу «модели» на примере различных провайдеров СМР и применять ее к изучению ситуации в отдельном регионе или секторе.

Проведение подобного поискового исследования, конечно, не «закроет» заявленную в названии статьи тему раз и навсегда,

но позволит внести весьма существенный вклад в ее разработку. В теоретическом плане оно будет способствовать сближению двух кластеров — исследований в области СМР и анализа политических рисков, которые в Российской Федерации пока еще проходят этап становления, — и дальнейшему развитию международной политической экономии. В практическом плане это поможет разработке востребованных в новых политико-экономических условиях рекомендаций по повышению эффективности как управления рисками в рамках ВЭД с применением всего спектра инструментов, так и политики в области СМР в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартенев В.И. Международная помощь странам Ближнего Востока и Северной Африки: управляя рисками: доклад № 62/2020. М.: НП РСМД, 2020. Доступ: <https://russiancouncil.ru/papers/MENA-IntAid-Report62.pdf> (дата обращения: 05.02.2023).
2. Бартенев В.И. От «несостоявшихся государств» к «неустойчивым состояниям»: логика понятийной эквилибристики // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 26–41. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.03.
3. Белецкая М.Ю. Россия в системе содействия международному развитию: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2017.
4. Бордовских А.Н. Политические риски в условиях глобальных вызовов традиционным системам госуправления // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 1. С. 63–73. DOI: 10.20542/afij-2020-1-63-73.
5. Бордовских А.Н. Экспроприация в XXI в. — новый вызов для исследований политического риска // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 1. С. 298–313. DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-1-15.
6. Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010.
7. Гурова И.П. Страхование политического риска в международном инвестировании // Налоги и финансы. 2016. № 3 (31). С. 7–20.
8. Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию: эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи. М.: URSS, 2016.
9. Ермолов М.О. Российский механизм международной помощи: незавершенный проект // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 3. С. 134–155. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-03-134.

10. Зайцев Ю.К. Многосторонние механизмы содействия международному развитию: экономический аспект: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2013.
11. Максимова А.В. Что ценим, то и оцениваем: оценка результативности содействия международному развитию // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 1. С. 56–79.
12. Морозкина А.К. Двусторонняя официальная помощь развитию: влияние мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2018.
13. Нечкин Д.А. Эволюция понятия «политический риск»: классические и современные концепции // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. Т. 10. № 4. С. 109–137.
14. Олейнов А.Г. Международная политэкономия: предмет и метод // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 61 (2). С. 54–64. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-2-54-64.
15. Попова О.П. Содействие международному развитию как инструмент внешней политики и внешнеэкономической деятельности ФРГ: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2019.
16. Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт / Под ред. В.Г. Барановского, Ю.Д. Квашнина, Н.В. Тогановой. М.: ИМЭМО РАН, 2018.
17. Содействие международному развитию: Курс лекций / Под ред. В.И. Бартенева, Е.Н. Глазуновой. М.: Всемирный банк, 2012.
18. Содействие международному развитию: Учебник / Под ред. Н.В. Галищевой, Л.М. Капицы. М.: МГИМО-Университет, 2022.
19. Старикова Е.А. Устойчивое развитие в меняющемся мире. Роль государства и бизнеса. М.: КНОРУС, 2021.
20. Ткаченко С.Л. Международная политэкономия — российская школа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 4. С. 106–118.
21. Anderson M. Do no harm: How aid can support peace — or war. Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 1999.
22. Bayliss K. et al. The use of development funds for de-risking private investment: How effective is it in delivering development results? Requested by the European Parliament's Committee on Development. Policy Department for External Relations, Directorate General for External Policies of the Union. PE 603.486. EP/EXPO/DEVE/FWC/2019-01/Lot3/R/01. May 2020. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/603486/EXPO_STU\(2020\)603486_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/603486/EXPO_STU(2020)603486_EN.pdf) (accessed: 05.02.2023).
23. Berthélemy J.-C. Aid allocation: Comparing donors' behaviours // Swedish Economic Policy Review. 2006. Vol. 13. P. 75–109.
24. Cravioito N. Under pressure: How private sector instruments are threatening the untying of aid. Eurodad. April 6, 2022. Available at: <https://assets.>

nationbuilder.com/eurodad/pages/2892/attachments/original/1649245060/tied-aid-2022.pdf?1649245060 (accessed: 05.02.2023).

25. Craviotto N., Caio C. Time for action: How private sector instruments are undermining aid budgets. Eurodad. February 3, 2021. Available at: <https://assets.nationbuilder.com/eurodad/pages/2008/attachments/original/1618914562/time-for-action-EN.pdf?1618914562> (accessed: 05.02.2023).

26. Garbacz W., Vilalta D., Moller L. The role of guarantees in blended finance. OECD development cooperation working papers. No. 97. Paris: OECD Publishing, 2021.

27. Holling C.S. Resilience and stability of ecological systems // Annual Review of Ecological Systems. 1973. Vol. 4. P. 1-23. DOI: 10.1146/annurev.es.04.110173.000245.

28. Martínez-Zarzoso I., Nowak-Lehmann F., Klasen S., Johannsen F. Does German development aid boost German exports and German employment? A sectoral level analysis // Journal of Economics and Statistics. 2016. Vol. 236. No. 1. P. 71-94. DOI: 10.1515/jbnst-2015-1003.

29. Matsukawa T., Habeck O. Review of risk mitigation instruments for infrastructure financing and recent trends and developments. Trends and policy options. No. 4. Washington, D.C.: The World Bank; PPIAF, 2007.

30. Mayer H. Political risk insurance and its effectiveness in supporting private sector investment in fragile states. The LSE-Oxford Commission on State Fragility, Growth and Development. May 2018. Available at: <https://www.theigc.org/sites/default/files/2018/05/Political-risk-insurance.pdf> (accessed: 04.02.2023).

31. McLean E.V. Multilateral aid and domestic economic interests // International Organization. 2015. Vol. 69. No. 1. P. 97-130. DOI: 10.1017/S0020818314000289.

32. Metcalfe V., Martin E., Pantuliano S. Risk in humanitarian action: Towards a common approach? HPG Commissioned Paper. January 2011 // Overseas Development Institute. Available at: <https://cdn.odi.org/media/documents/6764.pdf> (accessed: 05.02.2023).

33. Milner H.V., Tingley D. The political economy of US foreign aid: American legislators and the domestic politics of aid // Economics and Politics. 2010. Vol. 22. No. 2. P. 200-232. DOI: 10.1111/j.1468-0343.2009.00356.x.

34. Simon J. Political risk assessment: Past trends and future prospects // The Columbia Journal of World Business. 1982. Vol. 17. No. 3. P. 62-71.

35. Walker B., Holling C.S., Carpenter S.R., Kinzig A. Resilience, adaptability and transformability in social-ecological systems // Ecology and Society. 2004. Vol. 9. No. 2. Art. 5. DOI: 10.5751/ES-00650-090205.

REFERENCES

1. Bartenev V.I. 2020. *Mezhdunarodnaya pomoshch' stranam Blizhnego Vostoka i Severnoi Afriki: upravlyaya riskami: doklad no. 62/2020* [International assistance to the Middle East and North Africa: Managing the risks: Report

no. 62/2020]. Moscow, RIAC Publ. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/MENA-IntAid-Report62.pdf> (accessed: 05.02.2023). (In Russ.)

2. Bartenev V.I. 2017. Ot 'nesostoyavshikhsga gosudarstv' k 'neustoichivym sostoyaniyam': logika ponyatiinoi ekvilibristiki [From 'failed states' to 'states of fragility': Logic of conceptual acrobatics]. *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 26–41. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.03. (In Russ.)

3. Beletskaya M.Yu. 2017. *Rossiya v sisteme sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu* [Russia in the system of international development assistance]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

4. Bordovskikh A.N. 2020. Politicheskie riski v usloviyakh global'nykh vyzovov traditsionnym sistemam gosupravleniya [Political risks in the era of global challenges to traditional governance structures]. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 1, pp. 63–73. DOI: 10.20542/afij-2020-1-63-73. (In Russ.)

5. Bordovskikh A.N. 2022. Ekspropriatsiya v XXI v. — novyi vyzov dlya issledovaniy politicheskogo riska [Expropriation in the 21st century — new challenge for political risk analysis]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 1, pp. 298–313. DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-1-15. (In Russ.)

6. Braterskii M.V. 2010. *Ekonomicheskie instrumenty vneshnei politiki i politicheskie riski* [Economic instruments of foreign policy and political risks]. Moscow, Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta — Vysshei shkoly ekonomiki Publ. (In Russ.)

7. Gurova I.P. 2016. Strakhovanie politicheskogo riska v mezhdunarodnom investirovanii [Political risk insurance in the international investment]. *Nalogi i finansy*, no. 3 (31), pp. 7–20. (In Russ.)

8. Degterev D.A. 2016. *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu: evolyutsiya mezhdunarodno-pravovykh rezhimov i effektivnost' vneshnei pomoshchi* [International development assistance: Evolution of international legal regimes and aid effectiveness]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)

9. Ermolov M.O. 2022. Rossiiskii mekhanizm mezhdunarodnoi pomoshchi: nezavershenniy proekt [The Russian framework for international assistance: An unfinished plan]. *International Organisations Research Journal*, vol. 10, no. 3, pp. 134–155. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-03-134. (In Russ.)

10. Zaitsev Yu.K. 2013. *Mnogostoronnie mekhanizmy sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu: ekonomicheskii aspekt* [Multilateral mechanisms of international development assistance: Economic aspect]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

11. Maksimova A.V. 2015. Chto tsenim, to i otsenivaem: otsenka rezul'tativnosti sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu [Measure what you treasure: Evaluating the effectiveness of development assistance]. *International Organisations Research Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 56–79. (In Russ.)

12. Morozkina A.K. 2018. *Dvustoronnyaya ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu: vliyanie mirovogo finansovogo krizisa 2008–2009 gg.* [Bilateral official development assistance: Impact of the 2008–2009 global financial crisis]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

13. Nechkin D.A. 2018. Evolyutsiya ponyatiya 'politicheskii risk': klassicheskie i sovremennye kontseptsii [Evolution of political risk concept: Classical and contemporary interpretations]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 10, no. 4, pp. 109-137. (In Russ.)

14. Oleinov A.G. 2017. Mezhdunarodnaya politekonomiya: predmet i metod [International political economy: Subject matter and method]. *World Economy and International Relations*, vol. 61, no. 2, pp. 54-64. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-2-54-64. (In Russ.)

15. Popova O.P. 2019. *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshnei politiki i vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti FRG* [International development assistance as an instrument of foreign policy and foreign economic activity of Germany]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

16. Baranovskii V.G., Kvashnin Yu.D., Taganova N.V. (eds.). 2018. *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshnei politiki: zarubezhnyi opyt* [International development assistance as foreign policy tool: Foreign experience]. Moscow, IMEMO Publ. (In Russ.)

17. Bartenev V.I., Glazunova E.N. (eds.). 2012. *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu: Kurs leksii* [International development cooperation. Set of lectures]. Moscow, The World Bank Publ. (In Russ.)

18. Galishcheva N.V., Kapitsa L.M. (eds.). 2022. *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu: Uchebnik* [International development assistance: Textbook]. Moscow, MGIMO-University Publ. (In Russ.)

19. Starikova E.A. 2021. *Ustoichivoe razvitie v menyayushchemsya mire. Rol' gosudarstva i biznesa* [Sustainable development in a changing world. The role of government and business]. Moscow, KNORUS Publ. (In Russ.)

20. Tkachenko S.L. 2015. Mezhdunarodnaya politekonomiya — rossiiskaya shkola [International political economy: Russian school]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, no. 4, pp. 106-118. (In Russ.)

21. Anderson M. 1999. *Do no harm: How aid can support peace — or war*. Boulder, London, Lynne Rienner Publishers.

22. Bayliss K. et al. 2020. *The use of development funds for de-risking private investment: How effective is it in delivering development results?* Requested by the European Parliament's Committee on Development. Policy Department for External Relations, Directorate General for External Policies of the Union. PE 603.486. EP/EXPO/DEVE/FWC/2019-01/Lot3/R/01. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/603486/EXPO_STU\(2020\)603486_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/603486/EXPO_STU(2020)603486_EN.pdf) (accessed: 05.02.2023).

23. Berthélemy J.-C. 2006. Aid allocation: Comparing donors' behaviours. *Swedish Economic Policy Review*, vol. 13, pp. 75-109.

24. Cravioito N. 2022. *Under pressure: How private sector instruments are threatening the untying of aid*. Eurodad. Available at: <https://assets.nationbuilder>.

com/eurodad/pages/2892/attachments/original/1649245060/tied-aid-2022.pdf?1649245060 (accessed: 05.02.2023).

25. Craviotto N., Caio C. 2021. *Time for action: How private sector instruments are undermining aid budgets*. Eurodad. Available at: <https://assets.nationbuilder.com/eurodad/pages/2008/attachments/original/1618914562/time-for-action-EN.pdf?1618914562> (accessed: 05.02.2023).

26. Garbacz W., Vilalta D., Moller L. 2021. *The role of guarantees in blended finance*. OECD development cooperation working papers, no. 97. Paris, OECD Publishing.

27. Holling C.S. 1973. Resilience and stability of ecological systems. *Annual Review of Ecological Systems*, vol. 4, pp. 1-23. DOI: 10.1146/annurev.es.04.110173.000245.

28. Martínez-Zarzoso I., Nowak-Lehmann F., Klasen S., Johannsen F. 2016. Does German development aid boost German exports and German employment? A sectoral level analysis. *Journal of Economics and Statistics*, vol. 236, no. 1, pp. 71-94. DOI: 10.1515/jbnst-2015-1003.

29. Matsukawa T., Habeck O. 2007. *Review of risk mitigation instruments for infrastructure financing and recent trends and developments*. Trends and policy options, no. 4. Washington, D.C., The World Bank, PPIAF.

30. Mayer H. 2018. *Political risk insurance and its effectiveness in supporting private sector investment in fragile states*. The LSE-Oxford Commission on State Fragility, Growth and Development. Available at: <https://www.theigc.org/sites/default/files/2018/05/Political-risk-insurance.pdf> (accessed: 04.02.2023).

31. McLean E.V. 2015. Multilateral aid and domestic economic interests. *International Organization*, vol. 69, no. 1, pp. 97-130. DOI: 10.1017/S0020818314000289.

32. Metcalfe V., Martin E., Pantuliano S. 2011. *Risk in humanitarian action: Towards a common approach?* HPG Commissioned Paper. Overseas Development Institute. Available at: <https://cdn.odi.org/media/documents/6764.pdf> (accessed: 05.02.2023).

33. Milner H.V., Tingley D. 2010. The political economy of US foreign aid: American legislators and the domestic politics of aid. *Economics and Politics*, vol. 22, no. 2, pp. 200-232. DOI: 10.1111/j.1468-0343.2009.00356.x.

34. Simon J. 1982. Political risk assessment: Past trends and future prospects. *The Columbia Journal of World Business*, vol. 17, no. 3, pp. 62-71.

35. Walker B., Holling C.S., Carpenter S.R., Kinzig A. 2004. Resilience, adaptability and transformability in social-ecological systems. *Ecology and Society*, vol. 9, no. 2, art. 5. DOI: 10.5751/ES-00650-090205.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 24.03.2023

The paper was submitted 13.02.2023; approved after reviewing 20.03.2023; accepted for publication 24.03.2023